

М.Ф.Слинкин
АФГАНСКИЕ ВСТРЕЧИ И БЕСЕДЫ
Мое открытие Афганистана. Год 1957

Уже к концу первого десятилетия после окончания Второй мировой войны Азия в результате развернувшейся здесь активной национально-освободительной борьбы превратилась из бывшей периферии колониального господства в свободный континент, а многие ее страны – в важные субъекты мировой политики. Отзвуки этих исторических процессов докатились и до Афганистана, заставив его правящие монархические круги вносить существенные коррективы во внутреннюю и внешнюю политику. Наиболее разительные перемены претерпела внешнеполитическая ориентация страны, что было непосредственно связано с разделом Британской Индии на Индийский Союз и Пакистан, а также с бесцеремонными попытками западных держав вовлечь Афганистан в создаваемые ими в то время в регионе военно-политические группировки.

Афганское правительство, чтобы защитить национальную независимость и государственный суверенитет перед лицом неприкрытого шантажа и давления со стороны Запада и в связи с появлением на границе враждебного Афганистану пакистанского фактора, начало лихорадочно искать пути и средства для укрепления обороноспособности страны. Однако у афганского государства для решения данной задачи совершенно отсутствовали экономические, финансовые военно-технические возможности. Не было, впрочем, и четкой правовой базы для получения необходимой военной помощи извне. И такой правовой базой явилось постановление Лоя джирги, состоявшейся в ноябре 1955 г. Высший надпарламентский орган Афганистана единодушно рекомендовал правительству «любыми возможными средствами, любыми доступным честным образом укрепить и вооружить страну в целях ее обороны».

Руководствуясь этой рекомендацией Лоя джирги, правительство М.Дауда незамедлительно обратилось к США за военной помощью. Однако американская администрация, действуя в духе «холодной войны», обусловила предоставление военной помощи Афганистану неприемлемыми для его независимости политическими требованиями. В связи с этим у М.Дауда не оставалось иного выхода, как обратиться за военной помощью к своему северному соседу. Советская сторона с пониманием отнеслась к просьбе Афганистана. Уже в августе 1956 года состоялось подписание советско-афганского соглашения о поставках этой стране различных видов боевой техники и вооружения на весьма льготных условиях на общую сумму 25 миллионов американских долларов. Советский Союз согласился также оказать Афганистану необходимую помощь и содействие в подготовке и переподготовке афганских армейских кадров как внутри страны, так и в военных учебных заведениях СССР. Кроме того, была достигнута договоренность об оказании советской материально-технической помощи в создании афганской военной инфраструктуры, в том числе и в строительстве военных аэродромов в Кабуле, Баграме, Мазари-Шарифе и Шинданде. Первые партии вооружения поступили в Афганистан уже в октябре 1956 г., в том числе 11 реактивных истребителей МиГ-15, стрелковое оружие и артиллерийские системы.

Необходимо заметить, что в тот период, в разгар «холодной войны», установление и развитие советско-афганского технико-экономического, торгового и, особенно, военного сотрудничества сыграло весьма позитивную роль в стабилизации обстановки в Центральной Азии и в немалой степени содействовало срыву коварных планов стратегов «крестового похода» против мирового коммунизма опоясать Советский Союз с юга сплошной дугой военно-политических блоков. На основе подписанных СССР и Афганистаном соглашений в афганскую столицу в феврале-марте 1957 г. была направлена по линии 10-го Главного управления Генштаба ВС СССР первая группа советских военных специалистов в составе до 10 человек (вместе с переводчиками) для обучения афганских офицеров и унтер-офицеров правилам содержания и эксплуатации поставленной советской военной техники и вооружения. В составе этой группы был и автор данных строк, по должности старший переводчик. Летели мы в неведомый для всех нас Афганистан на рейсовом самолете Аэрофлота Ил-14 с промежуточными посадками в Пензе, Актюбинске, Джусалы, Ташкенте и Термезе. Еще в воздухе, когда самолет, снижаясь, совершал круги над Кабулом, нашему взору открылась впечатляющая картина разбросанного внизу, под крылом, на довольно большой площади города, окаймленного со всех сторон горными хребтами с заснеженными, ослепительно белыми вершинами на фоне пронзительно голубого неба. С высоты казались игрушечными сплошь серые по цвету городские постройки с плоскими крышами и поднимавшимися от домашних очагов белесыми клубами дыма. Этот экзотичный вид сверху дополняла коричневая в весеннее половодье извилистая лента реки Кабул, рассекавшая город на две неравные части.

Наконец, самолет приземлился на грунтовую полосу кабульского аэродрома и подрулил к стоянке. Спустившись по трапу, мы в сопровождении аэродромного служащего оказались вместо привычного нам по европейским стандартам терминала в одноэтажном, приземистом здании с полутемными комнатками, где совершались таможенные и пограничные формальности. Быстро пройдя их при протекции встречавших нас афганских военных, мы направились в город на предоставленном нам автомобиле и с первых метров пути ощутили экзотику восточного города уже на земле и его разительные контрасты. Уличный базар, гудевший по обе стороны дороги, был заполнен множеством людей, в основном мужчинами в традиционной афганской национальной одежде, по проезжей части улицы мелкими шажками трусили ослики с тяжелой поклажей и резво бежали низкорослые лошадки извозчиков «гади», своеобразных здесь городских «такси», изредка по неасфальтированной дороге, поднимая пыль, пронеслись роскошные легковые автомобили последних моделей западного производства.

Нас разместили в довольно сносном для проживания «Клуб-е аскари» («Военном клубе»), расположенном внутри обширного, обнесенного забором так называемого «Военного парка», где с одной стороны находились плац для строевых занятий и спортивные площадки, а с другой – внушительных размеров склады офицерского снабженческого кооператива, недавно заложенный фруктовый сад и грядки хорошо ухожен-

ного огорода. Двухэтажное здание клуба с девятью небольшими окнами по фасаду мало чем походило внутри на очаг культуры в нашем понимании, если не считать в вестибюле, на первом этаже, двух витрин под стеклом с образцами средневекового холодного и огнестрельного оружия и одной небольшой комнаты для игры в настольный теннис.

Не успев осмотреться и освоиться с новыми условиями жизни и быта, мы буквально на следующий день включились в работу на курсах, открытых в гарнизоне Сиахсаньг (восточная окраина Кабула) с целью изучения материальной части некоторых образцов советского оружия, в основном времен Второй мировой войны, как-то: пистолета-пулемета ППШ, карабина, ручных и станковых пулеметов, артиллерийских орудий различных калибров, 82 и 120-мм минометов, реактивной установки БМ-13 («Катюши») и др. Слушатели курсов – младшие и старшие офицеры – встретили нас сдержанно, хотя и с подчеркнуто восточной вежливостью. Перед началом занятий состоялась короткая встреча и беседа с важным чиновником из министерства национальной обороны с обязательным, по восточным обычаям, чаепитием.

Уже с первых дней общения с афганскими военнослужащими как в процессе занятий, так и в неформальной обстановке мы стали замечать, наряду с проявлениями искренних симпатий к нам, и еле сдерживаемое неприятие всего советского. Последнее было особенно характерным для части старших офицеров и генералов, прежде всего тех, которые получили высшее образование в турецких и западных военных учебных заведениях и имели весьма престижную приставку к воинскому званию «аркан-е харб» (офицер Генерального штаба). Они с завидным постоянством и, как правило, публично, в присутствии других афганских офицеров, обращали внимание на устарелость поставленного в Афганистан советского вооружения, выражали сомнения в его высоких боевых качествах и непременно с восхищением говорили об аналогичных западных, главным образом американских, образцах оружия.

В конце концов, для нас стало совершенно очевидным, что это – не мнение каких-то одиночек-недрузгов нашей страны, а целенаправленная кампания по дискредитации советско-афганского сотрудничества в военной области. Ответ на вопрос «откуда дует ветер», не пришлось долго ждать. Оказалось, что при королевском дворе и в высшем афганском армейском руководстве развернулась и шла непримиримая борьба между двумя влиятельными группировками вокруг вопроса о получении военной помощи от Советского Союза. Одну из них возглавлял двоюродный брат и зять короля, премьер-министр и одновременно министр национальной обороны М.Дауд, а другую – тесно связанный с консервативно-клерикальными кругами дядя короля маршал Шах Вали. В поддержку М.Дауда непосредственно в афганской армии выступали многие младшие и старшие офицеры и часть генералитета, разделявшие его взгляды относительно необходимости проведения в стране социально-экономических и политических преобразований и курса на укрепление независимости Афганистана. Что касается маршала Шах Вали, то его опорой в армии являлись широко известный в то время в стране представитель клерикальной элиты, ярый антикоммунист, начальник Генерального штаба генерал-полковник Сеид Хасан и значительная часть консервативно настроенных старших и высших офицеров.

На первых порах в развернутых в афганской армии политико-психологических батальонах по поводу получения советской военной помощи верх явно брали недруги СССР. Чтобы переломить ситуацию в свою пользу, М.Дауд по совету советской стороны принял решение устроить показательные стрельбы и продемонстрировать таким образом боевые возможности советского оружия. С этой целью в течение примерно месяца афганские солдаты и офицеры прошли на полигоне Пули-Чархи (в 35 км к востоку от столицы) интенсивную подготовку под руководством наших специалистов. При этом перед нами была поставлена весьма жесткая задача: стрельбы из всех видов оружия должны будут вести афганские военнослужащие самостоятельно, без какого-либо участия советских наставников, чтобы таким образом показать, что даже неграмотные и полуграмотные солдаты армии Афганистана в состоянии за короткое время овладеть поставленным оружием.

Настал день стрельб. На полигоне для зрителей был воздвигнут целый палаточный городок. В нем своими размерами и пышностью убранства выделялся шатер, предназначенный для короля и его свиты. Внутри шатра были разсланы ковры и расставлены легкие металлические стулья. С восходом солнца, пока еще сохранялась утренняя прохлада, на полигон на роскошных и не очень автомобилях стали съезжаться сотни приглашенных. В числе гостей были также советский посол и другие ответственные сотрудники нашего посольства.

Вскоре прибыл король, сопровождаемый М.Даудом и другими высокопоставленными военными и гражданскими лицами. Выйдя из машины и увидев сидевших поодаль на каменистом холмике советских военных специалистов, Захир-шах, несмотря на то, что кто-то из свиты настойчиво приглашал его жестом вытянутой руки пойти по направлению к шатру, резко повернулся и направился в нашу сторону. Мы встали. Один из опекавших нас афганских генералов представил нас королю. Поздоровавшись с каждым из советских офицеров за руку, Захир-шах поинтересовался нашим самочувствием и осведомился, как нам нравится его страна. В заключение короткой беседы он спросил, все ли готово для стрельб, на что мы дали ему положительный ответ. Надо признать, афганский монарх, одетый на сей раз в скромный гражданский костюм с европейской шляпой на голове, оказался далеко не похожим на его портретный образ в военной форме, который мы постоянно видели в воинских частях, государственных учреждениях и на базаре, в дуканах. Он показался нам простым, общительным человеком, напрочь лишенным той, виденной ранее портретной помпезности и величия.

Начался показ. Вначале афганские солдаты продемонстрировали стрельбу по мишеням из стрелкового оружия – карабинов, автоматов и пулеметов. Для эффекта и наглядности использовались в основном трассирующие пули. Самым зрелищным моментом на этом этапе показа возможностей советского оружия явилась стрельба из станкового пулемета зажигательными пулями по низкому забору из тряпок и ветоши, предварительной изрядно смоченных соляжкой. Эта цель, расположенная на удалении примерно 700 м от огневых позиций, вспыхнула огромным пламенем буквально с первых очередей, что вызвало неподдельный восторг у собравшихся на полигоне людей. Затем наступил черед стрельбы из минометов и артиллерийских

орудий по заранее пристрелянным целям. Король, чтобы развеять сомнения в мастерстве афганских военнослужащих, несколько раз называл новые цели на местности. И все они, к нашему немалому удивлению и удолетворению, были поражены без излишнего расхода мин и снарядов. Завершающим аккордом этого, прямо скажем, шоу явились доселе невиданные и неслышанные в Афганистане залпы знаменитых «Катюш». Гром их выстрелов, море огня и пыли разрывов на огромной площади на склонах гор, примыкающих к полигону, потрясли воображение всех присутствовавших.

Король в присутствии афганской элиты высказал восхищение по поводу высоких боевых качеств советского оружия и выразил благодарность советским военным специалистам за оказанную помощь в организации и проведении стрельб. Надо отметить, что данная наглядная демонстрация боевых качеств и возможностей советского оружия и высокая их оценка со стороны главы афганского государства явились существенным ударом по замыслам тех лиц в правящих кругах страны, которые хотели сорвать советско-афганское сотрудничество в военной области. Хотя после указанных стрельб в Пули-Чархи недруги СССР и поумерили свой пыл, однако на деле они все же не отказались от своих коварных замыслов. Особенно не унимался генерал Сеид Хасан. В конце весны 1957 года им был развернут шум вокруг поставок в Афганистан танков Т-34. В эпицентре его (Сеид Хасана) наскоков, шантажа и давления оказался майор Мухаммад Сарвар Акбари, доверенное лицо М.Дауда, афганский эксперт, посланный в конце 1956 года в советскую Кушку для ознакомления с техническими и боевыми характеристиками указанного танка. Как М.С.Акбари рассказывал автору этих строк, Сеид Хасан упорно принуждал его дать королю отрицательный отзыв о советской бронетанковой технике вообще и о танке Т-34, в частности. Когда же М.С.Акбари отказался это сделать, заявив, что танк Т-34 был лучшим танком на полях Второй мировой войны, прост по конструкции и в эксплуатации, то есть обладает теми достоинствами, которые обеспечат быстрое его освоение даже неграмотными афганскими солдатами, то в ответ на это Сеид Хасан назвал его коммунистом и обвинил в отсутствии у него патриотизма. Забегая вперед, скажем, что в 1970 году, уже будучи генералом, командиром 7-й танковой бригады, дислоцированной в Кандагаре, С.Акбари погиб при загадочных обстоятельствах в автомобильной катастрофе. По утверждению его друзей, это была месть его врагов из стана «братьев-мусульман».

Как бы там ни было, напряженная работа на курсах оставляла нам достаточно времени для досуга и знакомства с достопримечательностями страны, ее историческими памятниками. Хотя, надо признать, афганская столица, уже не говоря о периферии Афганистана, в целом была мало приспособлена для веселья и приятного времяпрепровождения, если исходить из наших национальных привычек и пристрастий. И не только, впрочем, наших. В связи с этим можно было, видимо, понять в какой-то мере поступок бухарского эмира Алим-хана, бежавшего в 1920 году в Афганистан после захвата Бухары Красной Армией. Будучи большим поклонником роскоши и увеселений и не найдя всего этого в Кабуле, он бросил здесь на произвол судьбы сыновей и любимую жену Сорайю и перебрался в Тегеран, где в разгулье промотал все свое состояние. Однако то были 20-е годы. Да и мы по своим скромным запросам и социальным положениям были далеки от рода эмиров. И все же, все же... Чаше всего, особенно по выходным (здесь пятничным) дням, мы регулярно посещали советское посольство, тогда еще ютившееся в центре города, в стареньких двухэтажных домиках, доставшихся СССР по наследству от царских времен. Там мы с удовольствием смотрели наши, советские, фильмы.

Однажды, возвращаясь из посольства в Военный клуб темной южной ночью (в Кабуле в то время уличное электрическое освещение отсутствовало), мы попали в прелюбопытную историю. Уже войдя через настежь открытые ворота на территорию Клуба и проходя мимо складов офицерского кооператива, мы вдруг были остановлены раздавшимся откуда-то из крошечной тьмы истошным криком на языке пушту:

- Дреш, так кавым! (Стой, стрелять буду!).

Мы, вздрогнув от неожиданности, остановились как вкопанные. Опомнившись и присмотревшись, мы в метрах 30-40 от себя увидели еле различимый силуэт человека. Я, стараясь придать своему голосу как можно более доброжелательный тон, пояснил на языке дари:

- Мы – советские специалисты. Идем в Военный клуб, где живем, позвольте нам пройти.

В ответ – полное молчание. Истолковав это как согласие пройти, мы сделали несколько шагов вперед. И снова неистовая угроза на грани срыва голоса:

- Дреш, так кавым!

Пришлось повторить прежние слова о том, куда и зачем мы идем. Результат был тот же – молчание. Наконец, потеряв надежду уговорить служивого пропустить нас, я стал просить его вызвать начальника караула. То ли наши громкие обращения к часовому, то ли крики его возымели действие. Появился заспанный начальник караула, одетый в белую долгополую рубаху и такого же цвета шаровары, какие обычно носит большинство простых афганцев. Мы представились. Выслушав наши слова относительно желания пройти к месту проживания, офицер, несколько смутившись, разъяснил нам сложившуюся ситуацию, показывая рукой в сторону часового:

- Простите, этот солдат – пуштун. Его только что призвали в армию и он не знает языка дари. Но все равно я набью ему морду за то, что заставил вас волноваться.

- Просим не делать этого, – заступились мы за солдата. – В принципе ведь он поступил совершенно правильно.

Проходя вместе с сопровождавшим нас начальником караула мимо часового, я заметил в его руках необычный предмет. Внимательно присмотревшись, с удивлением понял, что у него в руках вместо оружия была большая, толстая палка. На высказанное мною вслух недоумение, офицер с горячностью ответил:

- Да разве можно этому дикарю-пуштуну доверять оружие! Он не только вас, но и самого короля может запросто, не моргнув глазом, застрелить!

Разговор явно начал переходить в сферу межэтнических отношений в стране. Было ясно: офицер определенно не являлся пуштуном.

Впрочем, как позже выяснилось, если бы даже и было оружие у этого часового, то ранить и убить кого-либо по злему умыслу или по оплошности он никак не мог по той простой причине, что в афганской королевской армии того времени боеприпасы по соображениям их экономии и безопасности на руки не выдавались, в том числе и для несения караульной службы. Да и вообще боевые стрельбы в частях армии проводились только один раз в год (в июле-августе) во время завершающих учебный год полевых учений и то с ограниченным расходом патронов и снарядов.

Кроме указанных курсов в Кабуле, в мае 1957 года в Герате, в гарнизоне 17-й пехотной дивизии начали функционировать еще одни и притом первые в Афганистане курсы по изучению советской бронетанковой техники – танка Т-34 и бронетранспортеров БТР-40 и БТР-152. В течение первых трех-четырех месяцев преподавание на этих курсах вел один советский полковник-танкист, а переводчиком был автор данных воспоминаний. Следует заметить, что летом этого года в Герате, кроме нас, двух советских офицеров, были еще два наших соотечественника – представители министерства внешней торговли, занимавшиеся закупкой кожсырья мелкого рогатого скота. Естественно, мы вскоре познакомились и составили таким образом маленькое, но дружное советское землячество на территории древнего Герата.

В состав слушателей курсов вошли офицеры и унтер-офицеры будущей 4-й танковой бригады, которую афганское командование намеревалось разместить в окрестностях столицы, в гарнизоне Пули-Чархи. Среди слушателей были упоминавшийся выше майор М.С.Акбари и лейтенант, сардар (принц) Абдул Азим, сын Шах Махмуда Гази (дядя короля), незадолго до этого закончивший военную академию Сандхерст в Англии. Оба они с первых же дней учебы обратили на себя наше внимание своей неординарностью: большой тягой к знаниям, широким кругозором интересов, завидным трудолюбием, воспитанностью, критическим отношением к афганской действительности, свободой мышления и высказываний, чувством собственного достоинства и чести, симпатиями к нашей стране. Особо выделялся Абдул Азим. В частных разговорах (мне приходилось неоднократно встречаться с ним и позже, в 60-х годах, когда он командовал батальоном 4-й танковой бригады, а затем был начальником штаба этой бригады) он резко критиковал афганский генералитет, который, по его словам, получив генеральские погоны и лампасы, в своем подавляющем большинстве переставал заботиться о повышении своего общего и военного образования и упорно противился внедрению всего нового в армейскую жизнь, чем наносил огромный вред обороноспособности страны.

Первоначально мы поселились в небольшой, в один этаж городской гостинице, скрытой внутри густой сосновой рощи. Следует заметить, что сосна – «фирменное» дерево гератского оазиса. Ее можно встретить повсюду, в том числе и вдоль дорог за десятки километров от города. Вся территория гостиничного парка, особенно по периметру его довольно высокого каменного забора, была покрыта густыми зарослями роз, одеревенелые стебли которых достигали 3-4 метров. Как выяснилось уже в первую ночь, в этих зарослях обитали шакалы, чей душераздирающий вой не раз заставлял нас с дрожью просыпаться и посылать этим животным тысячи проклятий.

Нас с полковником разместили в двух отдельных номерах: у него – получше, у меня – похуже, как и положено, исходя из нашего рангового и должностного положения. Окна моего номера выходили на темную застекленную веранду, а моего коллеги – непосредственно в парк, как раз на сторону, где ночью больше всего неистовствовали шакалы. Осмотревшись в своем новом жилище, я заметил, что простыни на кровати не отличаются свежестью, да к тому же изрядно помятые, и попросил рядом стоявшего служителя гостиницы:

- Будьте любезны, замените эти простыни и наволочку на подушке.

- Что вы, господин, - обескуражил он меня своим ответом, - они чистые. До вас на них ночевали лишь два человека.

Такую же «проблему» пришлось деликатно, не обижая добродушных хозяев, решать и в номере моего коллеги. В целом гостиница выглядела внешне ухоженной и по местным условиям вполне уютной. Особенно впечатлял ее парадный зал-вестибюль, убранный дорогими коврами и обставленный удобными диванами и креслами. Типично восточное убранство холла подчеркивали низкие столики из полированного мрамора, изделия из знаменитого гератского стекла, огромные декоративные вазы из керамики и фарфора и роскошные портьеры и занавески на широких, во всю стену окнах. Однако нас больше всего удивила не эта восточная колоритность отеля, а полное отсутствие в нем клиентов, в частности иностранных туристов, которых во все времена Герат привлекал к себе неповторимыми памятниками тысячелетней истории.

Немного отдохнув от утомительного многочасового перелета на самолете афганской авиакомпании по маршруту Кабул-Кандагар-Герат, мы в этот же день поехали с визитом к командиру 17-й пехотной дивизии, генерал-лейтенанту Хан Мухаммаду (с 1963 по 1973 г. он уже в звании генерала армии был министром национальной обороны). Генерал происходил из семьи кадровых военных и принадлежал к тому же племени мухаммадзаев, что и королевская семья. Когда мы вошли в его скромный кабинет, навстречу нам поднялся высокий, крепкого телосложения, по-военному подтянутый, с ярко выраженными волевыми чертами лица генерал. Вместе с ним в кабинете находился начальник штаба дивизии полковник Мухаммад Аман. Хан Мухаммад встретил нас без улыбки, с подчеркнутой холодностью. Беседа была очень короткой, сугубо протокольной. Нам показалось, что он не испытывал никакого восторга от установления военных связей с нашей страной. По всей вероятности, окончив Кабульскую военную школу под руководством турецких инструкторов и получив в 1939-1942 гг. высшее военное образование в Турции, он все еще оставался в плену старых пристрастий. Кроме того, нельзя было исключать и влияния турецкого военного советника, который по-прежнему продолжал выполнять свои функции в 17 пд.

Мы уже стали привыкать к проявлениям разного рода недружелюбия и подозрительности к нам со стороны Хан Мухаммада. Однако однажды мы были просто шокированы, узнав, что он зверски избил шофера афганца, возившего нас на стареньком «Виллисе». Поводом к избиению явился отказ шофера сообщить о нас что-либо предосудительное. Нам было крайне обидно, что безвинно пострадал этот пожилой и порядочный по своей натуре человек, которого все знавшие его уважительно называли «халифа» («мастер»). И он это заслуживал; еще в 20-е годы, будучи молодым, он оказался в числе тех счастливых, кому дове-

лось пригнать в Афганистан из Ирана первый автомобиль.

Следует отметить, что мы не давали, да и не могли дать каких-либо поводов обвинять нас в недобрых намерениях или действиях против Афганистана и его устоев. Нас еще в Москве строго-настроено предупредили уважительно относиться к обычаям и традициям страны, не вести с афганцами никаких разговоров о политике и высказывать свое мнение относительно положения в Афганистане, чтобы не быть обвиненными во вмешательстве во внутренние дела страны и, не дай бог, в ведении «коммунистической пропаганды». И мы всегда об этом помнили.

Лед в наших отношениях с генералом Хан Мухаммадом начал постепенно таять после практического показа ему технических возможностей танка Т-34. Сделал это один из опытных механиков-водителей кушкского гарнизона, волею случая оказавшийся в Герате. Местом действия был избран небольшой холм на окраине военного городка 17 пд. Механик-водитель вместе со своим напарником показали чудеса вождения: они бросали танк на большой скорости то вверх по холму, то внезапно останавливались и, развернув танк и пушку назад, устремлялись вниз по довольно крутому склону, то, поднимая тучи пыли, носились вдоль подножья холма. Зрелище было потрясающим. В итоге холм оказался разутюженным вдоль и поперек. На лице генерала мы впервые заметили неподдельную улыбку восхищения. Высказав свое удовлетворение по поводу увиденного, он искренне поблагодарил механика-водителя и его коллегу за продемонстрированное мастерство.

С этого времени Хан Мухаммад стал проявлять пристальное внимание к деятельности танковых курсов, частенько приглашать нас к себе и советоваться по тем и иным вопросам, связанным с массовым поступлением из Кушки в Герат советской военной техники и снаряжения и их складированием на территории дивизии. Его былое безразличие и подозрительность к нам сменились приветливостью и неподдельной заботой о наших условиях жизни. Свою роль, думается, сыграло и то, что Турция, недовольная односторонней ориентацией афганского правительства в вопросах получения военной помощи, вскоре отозвала из афганской армии всех своих советников и, более того, значительно сократила прием военнослужащих Афганистана в свои учебные заведения (так, в 1970 г. их число не превышало 10 человек).

При содействии Хан Мухаммада мы получили приятную возможность увидеть многие исторические памятники и шедевры Герата, в том числе самую, пожалуй, красивую и величественную на всем Среднем Востоке соборную мечеть Джаме (XV в.), внушительные по высоте и уникальные в своем роде наклонные минареты комплекса Мусалла (XV в.), видимые со всех точек Герата, средневековую цитадель на вершине холма в центре города (XIII-XIV вв.), гробницы известных средневековых поэтов Ансари, Джами и Алишера Навои, гробницу Гаухаршад (жены тимуридского правителя Шахруха), развалины грандиозного моста через р. Герируд, разрушенного, по преданию, войсками Чангизхана, местный музей, в котором собраны богатейшие образцы художественной каллиграфии, а также другие достопримечательности этого древнего города. Наибольшее впечатление на нас произвела знаменитая соборная мечеть Джаме с ее удивительными по красоте цветными изразцами и росписью на фасаде, обширным внутренним двором, вмещающим до 5 тысяч молящихся и установленными внутри него мембаром из белого полированного мрамора и огромным, высотой более полутора метров бронзовым котлом-чашей с литыми декоративными украшениями. Примечательно, что экскурсия по мечети проводилась в первой половине дня и поэтому внутри нее не было людей. Нашими любезными гидами были Абдул Азим и М.С. Акбари.

В Герате, как и в ходе многочисленных поездок по провинции, нас буквально на каждом шагу изумляли и очаровывали великолепие и величие несметных исторических памятников и достопримечательностей страны, колорит и красота горных и межгорных пейзажей. Однако не менее сильное впечатление на нас производили непринужденное общение с местными жителями и знакомство с их неброским бытом, устоями жизни, оригинальными обычаями, своеобразными поведенческими нормами и образом мыслей.

Оказавшись как-то в центре города, напротив средневековой цитадели, мы к своему немалому удивлению натолкнулись на целый арсенал выставленного на свободную продажу всевозможного холодного и огнестрельного оружия, начиная от музейных раритетов, вроде ятаганов, тесаков, сабель, кинжалов, богато инкрустированных дульнозарядных ружей XVIII-XIX вв. до разного рода модификаций винтовок российского, английского, бельгийского и чешского производства и даже так нам знакомого по кинофильму «Чапаев» станкового пулемета Максима с прилагавшимися к нему полностью снаряженными патронными лентами. Сомнений не было: русские винтовки С.И. Мосина и ее собратья карабины, а также и пулемет Максима попали на гератский базар несколько десятилетий назад вместе с бежавшими сюда басмачами после их разгрома в советской Средней Азии.

Вскоре пришлось и встретиться с одним из них. Мой коллега, полковник, плененный красотой и разнообразием орнамента афганских и персидских ковров ручной работы, затянул меня в один из такого рода дуканов, расположенных, кстати, в непосредственной близости от оружейного ряда. В дукане нас встретил мальчик лет 8-10. По нашей просьбе он позвал хозяина, видимо, отца. Минуту спустя, откуда-то из боковой двери пред нами предстал высокого роста, плотно сложенный, пожилых лет мужчина с характерной для здешних мест окрашенной хной бородой. Черты лица явно выдавали в нем таджика. Поздоровавшись и представившись, мы с любопытством стали рассматривать ковры и спрашивать его об их достоинствах. Отвечал он как-то неохотно, без свойственной для любого восточного купца заинтересованности продать свой товар. Когда же он протянул правую руку, показывая на очередной ковер, мы не могли не заметить его донельзя изуродованные кисть и пальцы.

- Что это случилось с вашей рукой? – спросил я, не подумав. Хозяин дукана сверкнул глазами и довольно громким голосом, подчеркивая каждое слово, раздраженно сказал:

- Это – дело рук ваших любезных коммунистов!

После таких слов мы поняли, что пора уходить, поскольку продолжение разговора не сулило нам ничего приятного. Следует оговориться: подобных встреч и бесед у нас больше не было в тот год не только в гостеприимном Герате, но и далеко за его пределами.

В один из жарких летних дней 1957 г. Абдул Азим показал мне свежий номер одной лондонской газеты, в которой сообщалось о «вторжении советских танковых дивизий в Афганистан». Эта «утка» весьма позабавила нас обоих. Западные газетчики в погоне за сенсацией и, стремясь подтвердить еще одним примером «агрессивность» Советов, приняли за «танковые дивизии» колонны перегоняемой в Герат советской военной техники. Чтобы не мешать дорожному движению, эти колонны в светлое время суток сосредоточивались недалеко от города и с наступлением сумерек входили по объездной дороге на территорию военного городка 17 пд. Разгрузив доставленные вооружение и снаряжение, наши ребята, запыленные и уставшие, под утро приезжали в гостиницу, где мы жили и где им для отдыха было отведено полностью одно крыло.

С момента начала шумихи западных СМИ вокруг советских военных поставок в Афганистан пришел конец нашей спокойной жизни в гостинице. Ее наводнили многочисленные иностранные туристы, так что не пустовал ни один ее номер. И вот в один из таких дней в отеле появились три молодых человека (двое юношей и одна девушка), прибывшие в Герат своим ходом, через Иран на изрядно потрепанном «Виллисе» времен Второй мировой войны. Они представились студентами Оксфордского университета, намеревающимися собрать на месте материалы о древней истории этого города для своей дипломной работы. Узнав, что в гостинице нет свободных мест, они не особенно огорчились. Сославшись на свою бедность, они попросили предоставить им любое место для ночлега. Гостеприимные хозяева предложили им за символическую плату кладовку внутри помещения, предварительно освободив ее от ведер, метел и прочего хозяйственного инвентаря и расстелив на земляном полу старенький, потрепанный ковер.

Вскоре мы подружился с «бедными» студентами на базе общего интереса к древней иранской истории. Однажды мне пришлось даже выступать в роли «лечащего врача», когда студентка пожаловалась на нестерпимые боли в животе. К счастью, у меня было полчемодана разных лекарств, которыми меня щедро снабдил посольский врач перед отбытием в Герат. Врач, видимо, догадываясь о моем полном медицинском невежестве, снабдил каждую упаковку лекарств описанием, когда, при каких симптомах, и в каком количестве следует их принимать. Перебрав их, я нашел, что в данном случае лучшим лекарством будут таблетки белладонны. К моему приятному удивлению и радости, они ей помогли.

Однако наша «дружба» продолжалась не долго. Как-то рано утром меня разбудил громкий стук в дверь. Открыв дверь, я увидел возбужденного чем-то служителя отеля, который заплетаящимся от волнения языком сказал:

- Господин переводчик, вас в холле ожидает господин полковник.

Ничего не подозревая, да еще и окончательно не проснувшись, я направился к холлу, где увидел полковника Мухаммада Амана и сидевшего напротив него за столиком одного из студентов. Быстро сообразив, что негоже разговаривать с иностранцами в пижаме, я, извинившись, вернулся в номер и переоделся.

Возвратившись, я, к своему удивлению, заметил, что полковник, одетый в повседневный военный костюм, прочему-то (наверное, для маскировки) снял с погон звезды, хотя их очертания на выцветшей от времени куртке отчетливо проступали и поэтому не составляло труда определить воинское звание офицера. У меня срезу же мелькнула мысль, что все это неспроста. Недобрые предчувствия тут же подтвердились. М.Аман, не скрывая своего раздражения, пояснил, что этот молодой человек тайком, из-за кустов фотографировал советских гостей, которые сидели в ожидании завтрака на валявшемся во дворе гостинице длинном бревне.

- Повторите, уважаемый, зачем вы это делали, - обратился он к студенту на дари. (Замечу, что мне в то злополучное утро впервые в моей переводческой практике пришлось вести разговор на двух иностранных языках – английском и дари).

- Знаете, - как-то отрешенно, видимо, уже не первый раз начал он объяснять, - мне показалась очень забавной увиденная картинка: эти люди, одетые в одинаковые черные комбинезоны, были чем-то похожи на ласточек, сидящих на проводе. Вот я и сфотографировал их.

- Но у нас, господин, в соответствии с законом и обычаями страны, запрещается фотографировать людей без их согласия на это, - парировал полковник. – Вы, въезжая в нашу страну, не могли не знать это.

После недолгих разбирательств в службе безопасности города и изъятия злополучной пленки студенты были незамедлительно выдворены из Афганистана по обвинению в нарушении его законов и обычаев. Когда же при очередной встрече с полковником М.Аманом я поинтересовался, что было еще заснято на ленте, он огорченно махнул рукой:

- Да ничего, пленку засветили и выбросили.

Так что вопрос о том, были ли в чем-то виноваты английские студенты, остался открытым. Скорее всего, они явились невинной жертвой ажиотажа, поднятого западными средствами массовой информации, в том числе и английскими, вокруг советских военных поставок в Афганистан, что в общем-то и спровоцировало афганцев подозревать в каждом прибывшем в их страну иностранце шпиона.

Этот неприятный эпизод сказался и на нас. Афганское военное командование, чтобы избежать в дальнейшем повышенного любопытства к нашей персоне со стороны иностранцев, подыскало для нас, рядом с отелем весьма уютную виллу за высоким забором и выставило охрану из отделения солдат.

С наступлением осени, когда в гератском оазисе несколько ослабли и изнуряющая жара, и ежедневные, как по расписанию, послеобеденные пыльные бури, мы к своему большому удивлению и радости обнаружили, что река Герируд, пересекающая долину с востока на запад и уходящая к границе с Ираном и далее на север, в Туркмению, весьма богата рыбой. Это «открытие» позволило нам без особого труда «убить одним выстрелом двух зайцев», то есть решить проблему своего отдыха в выходные и праздничные дни и одновременно внести заметное разнообразие в наше повседневное меню. Следует, правда, заметить, что в р. Герируд, как и вообще в пределах горного Афганистана к югу от Гиндукуша, водится, чуть ли не единственная в своем роде рыба из семейства карповых – маринка, обладающая весьма высокими вкусовыми качествами.

Выезжая почти еженедельно по пятницам на берега упомянутой речки, мы, однако, ни разу не встретили

ли афганца с удочкой в руках: как выяснилось, они в целом, по крайней мере, на сельском уровне, довольно равнодушны к рыбалке как к развлечению, да и в общем к рыбной пище. Вместе с тем отдых у афганцев на берегах рек и водоемов – явление распространенное. Поэтому у нас во время выездов на рыбалку случайных встреч и бесед с местными жителями (порой поучительных и забавных) было предостаточно. Вспоминается ряд из них.

Однажды ранним утром, еще до восхода солнца, когда в воздухе продолжало еще веять относительной в здешних местах ночной прохладой и вокруг царствовала безмятежная тишина, я облюбовал вблизи речного переката, как мне показалось, очень перспективное, рыбное место. За моей спиной, метрах в 40-50-ти находились широкий, с журчащей водой арык, обрамленный с обеих сторон пологими, заросшими зеленой травкой склонами, за ним – большое поле каких-то злаковых растений, а поодаль – небольшая деревня. Удобно устроившись, я уже было собрался забросить в речку крючок с наживкой, как у арыка появился мальчик-пастушок лет десяти с небольшим стадом домашних животных – коровой, несколькими овцами и козами и осликом. Поскольку то одна, то другая из этих бессловесных тварей так и норовила забрести в поле и пощипать зеленые посева, мальчик с криком бегал за ними и гнал к арыку. Мне уже стало порядком надоедать это беспокойное соседство, и я начал подумывать, не сменить ли мне место рыбалки. Однако, прислушавшись к гневным крикам мальчика, я вдруг понял, что он крепко ругается, используя ту, доселе мне незнакомую ненормативную лексику, от которой, как у нас принято говорить, даже уши вянут.

Вспомнив, что в Военном институте иностранных языков, где мне посчастливилось изучать персидский язык, пласт ненормативной лексики не был предусмотрен учебными планами и программами, я, забыв на время о рыбалке, достал блокнот (благо он всегда был у меня в кармане) и стал спешно записывать «шедевры» крепких слов и выражений на персидском языке, не уступавших, кстати, по своей выразительности знаменитому в мире русскому мату. Через несколько минут мой молодой «учитель» начал повторяться, вероятно, исчерпав весь свой словарный запас «ненорматива». Улучив момент, я позвал его по-персидски:

- Эй, мальчик, поди-ка сюда.

Он незамедлительно подбежал ко мне и, видимо, признав во мне иностранца, подобострастно вытянув руки вдоль туловища и, немного подав его вперед, угодливо спросил:

- Да, господин?

Разговор с ним я начал издалека: о его семье, ее достатке, роде занятий родителей, о том, ходит ли он в школу и пр. По его словам, он принадлежал к большой, но крайне бедной семье и по этой причине вместо школы вынужден помогать родителям по хозяйству, в том числе и пасти соседских животных. В конце нашей беседы я пожурил его за бранные слова и пострашал:

- Я вот сейчас пойду к твоему отцу и расскажу ему об этом.

- Нет, господин, не надо, - взмолился он, - Отец убьет меня.

- Так, почему же ты ругаешься?

Мальчик, повернув плечо и вытянув руки в сторону животных, которые снова, пока мы разговаривали, забрались в поле, выдал в свое оправдание последний и, как, видимо, ему казалось, неотразимый аргумент:

- Они же, господин, по-другому ведь не понимают!

Памятна мне и еще одна встреча, случившаяся вблизи большого населенного пункта, в 20-30 км к востоку от Герата. Тогда моим собеседником оказался 17-летний учащийся выпускного класса гератской средней школы. Подошел он ко мне, держа под мышкой кипу книг и тетрадей. Хотя время рыбалки уже подходило к концу и мое заветное ведро было почти доверху заполнено рыбой, однако его появление не вызвало у меня особого восторга, ибо бдение с удочкой у реки и беседа, как известно, несовместимы. Или одно, или другое. В данной ситуации мои представления об этике и этикете в чужой стране заставили меня отдать предпочтение беседе. Мы познакомились. Причем наш разговор с самого начала принял невольно шуточный характер, видимо, из-за поведенной мною афганскому юноше известной русской байки о невиданных размерах пойманной рыбаком рыбки на крючок. Однако юношу интересовало нечто другое.

- А у вас там, в России, есть семья? – спросил он, загадочно посмотрев на меня.

- Да, разумеется.

- И что есть дети?

- Конечно, два сына, - сказал я, показывая ему фото моих сорванцов.

- Этого не может быть, - запротестовал он. – Вы снова шутите. Нам говорил турецкий учитель географии, что в вашей стране коммунисты отбирают у родителей детей сразу же после их рождения и отправляют их для воспитания в коммунистическом духе в детские сады, интернаты и другие специальные учреждения, расположенные в других городах. Так что родители у вас лишаются прав на своих детей.

Пришлось убеждать молодого человека, что детские сады и интернаты у нас, действительно, есть, но детей у родителей никто не отбирает. Последовал еще один вопрос:

- Вы, господин, сами откуда родом и из какого племени?

- Я из Сибири. Мои родители и далекие предки испокон веков занимались охотой и рыбной ловлей и не принадлежали ни к какому племени. У нас, у русских, нет племенной системы.

- Нет-нет, вы опять шутите, - возразил он решительно. – Наш учитель географии рассказывал, что в Сибири живут только краснокожие. Вы же не краснокожий?

Мне было трудно доказать этому юноше обратное. Верил он, конечно, больше своему турецкому наставнику, хотя и не питал к нему особых симпатий. По словам молодого человека, турок-учитель имел обыкновение наказывать учащихся за любую провинность и плохое знание урока ударами линейкой по их рукам.

Беседа с этим юношей еще раз напоминала мне, что жертвой пещерного антикоммунизма, несмотря на все его бредни и небылицы, в первую очередь становятся молодые люди, неискушенные в политике и не имеющие доступа к правдивой информации.

В одно раннее осеннее утро мы с коллегой снова отправились на поиски более рыбных мест, но теперь

уже на запад, вниз по реке Герируд. Через несколько десятков километров нам приглянулось одно, как показалось, такое перспективное место, расположенное вдали от ближайшего населенного пункта. Оставив машину вблизи дороги, мы разбрелись по берегу бурлящей на перекатах реки, где обычно предпочитает водиться маринка. Не успел я закинуть удочки, как неожиданно ко мне подошел белобородый старичок в опрятной национальной одежде и типично завязанной на голове белой чалме, выдававшей в нем таджика. Приветливо поздоровавшись, он присел на корточки рядом со мной и вежливо спросил:

- Откуда, уважаемый, вы так рано к нам изволили пожаловать?

- Я - советский, работаю в Герате по приглашению вашего правительства.

- Советский? - удивился он. - Я очень рад, что Аллах послал мне такого гостя. Я много слышал о ваших добрых делах в вашей стране.

Затем он рассказал, что река и земля, на которой мы сидим, составляет часть его владений. Тут-то я понял, что мы с коллегой без какого-либо злого умысла вторглись в пределы чужой частной собственности. Пришлось принести ее хозяину искренние извинения. Старичок в ответ замахал руками:

- Что вы, что вы, не стоит! Мне очень приятно видеть вас на своей земле. Будьте моим гостем. Не изволите ли зайти ко мне на чашку чая?

Пришлось несколько раз вежливо отказаться от приглашения, сославшись на необходимость к середине дня возвратиться в Герат. В ходе дальнейшего разговора мой собеседник поведал о своих крестьянских делах и заботах и о том, что у него довольно большая семья и, как положено правоверному мусульманину, четыре жены, которые живут со своими детьми обособленно в разных местах долины.

- Сколько же у вас, баба-джан (милый дедушка) детей? - не скрывая любопытства, спросил я.

- Слава Аллаху, много. - При этих словах старичок поднял обе руки вверх и в стороны и как-то неопределенно закончил. - Одному Аллаху известно, может быть пятнадцать или даже шестнадцать. Одна моя жена живет далеко отсюда, вон там, - показал он рукой, - где на горизонте, у подножия горной гряды виднеется зеленый оазис. Я там в последние дни не бывал.

- А сколько же у вас сыновей? - не унимался я.

- Как сколько? - удивленно переспросил он. - Я уже говорил: пятнадцать или шестнадцать.

Мне стало ясно, что в разговоре я допустил досадную ошибку. Спрашивая о детях я употребил слово «бача», которое на языке дари означает «мальчик», «сын» (хотя и имеет другое значение - «дитя», «ребенок»). Чтобы узнать количество детей в семье, надо было использовать другую речевую формулу - «Шома чанд оулад дарид?» («Сколько у вас детей?»). Невольно подумалось: «Век живи, век учись...».

С приходом зимы и распутицы, наши выезды на лоно природы, как, впрочем, и встречи с исключительно приветливыми сельскими жителями гератской долины, к сожалению, закончились.

Через несколько месяцев первые выпускники гератских танковых курсов составили костяк командных кадров и боевые экипажи 4-й танковой бригады в Пули-Чархи. Так уж получилось, что спустя шестнадцать лет именно эта бригада явилась главной ударной силой в свержении монархии и установлении республиканского строя в стране. В этих событиях Абдул Азим не участвовал. В 1971 г. он с должности начальника штаба 4 тбр был направлен в Москву в качестве военного атташе афганского посольства. В 1977 г. в возрасте 44 лет полковник (с 1976 г.) Абдул Азим скончался в одной из московских клиник.

Следует отметить, что на Западе до сих пор в многочисленных трудах по истории Афганистана кочуют мифы о подрывных действиях Советов в этой стране. Так, согласно одному широко распространенному пропагандистскому клише, государственный переворот 1973 г. явился якобы не чем иным, как делом «руки Москвы», но никак не результатом свободного выбора определенных общественно-политических кругов Афганистана. Как человек, проработавший в этой стране много лет (в период с 1957 по 1990 г.) в различных военных и гражданских сферах, смею утверждать, что «руки Москвы» не было ни в событиях 1973, ни в апреле 1978 г. в силу многих причин и факторов. Высшее советское руководство, строя внешнюю политику на афганском направлении, не ставило своей целью менять государственную систему своего южного соседа. Оно, исходя из долгосрочных интересов СССР на международной арене, стремилось путем развития взаимовыгодных и равноправных советско-афганских отношений, не отягощенных какими-либо тайными замыслами, в том числе и идеологического порядка, сделать Афганистан подлинной витриной мирного сосуществования двух государств с разными социальными системами и показать странам «третьего мира» на примере Афганистана привлекательность, выгодность и идеологическую незаангажированность связей с социалистическим лагерем. Каждый из нас, работая в Афганистане, искренне старался в меру своих сил и возможностей содействовать реализации данной установки Центра, не давая при этом никакого повода к обвинению во вмешательстве во внутренние дела этой страны и, тем более, в подстрекательстве к смене режима.

(продолжение следует)

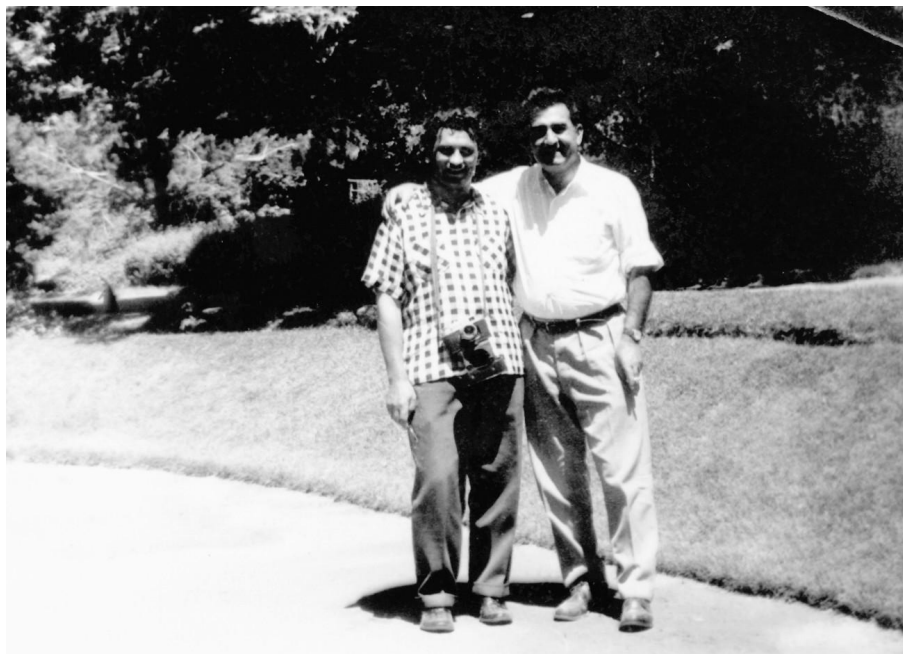
© Фото из архива автора, журнала «Ды Урду Маджалла» и альбомов «Афганистан сегодня» и «Afghanistan. Ancient Land with Modern Ways»

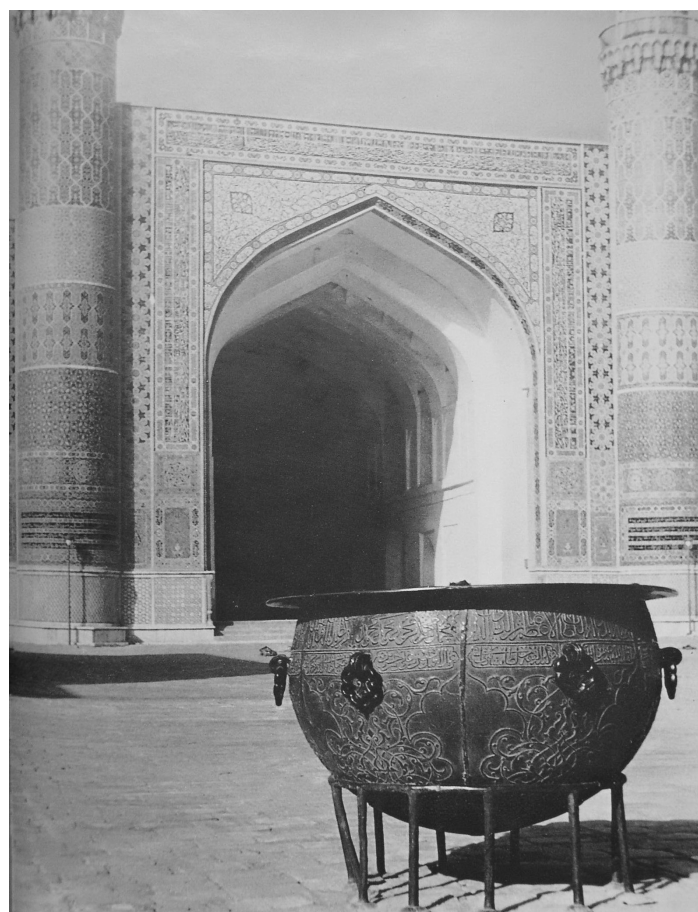
Гератская цитадель (XIII – XIV вв.)

50-е гг. XX в. Король Афганистана Захир-шах (слева)
и премьер-министр М.Дауд

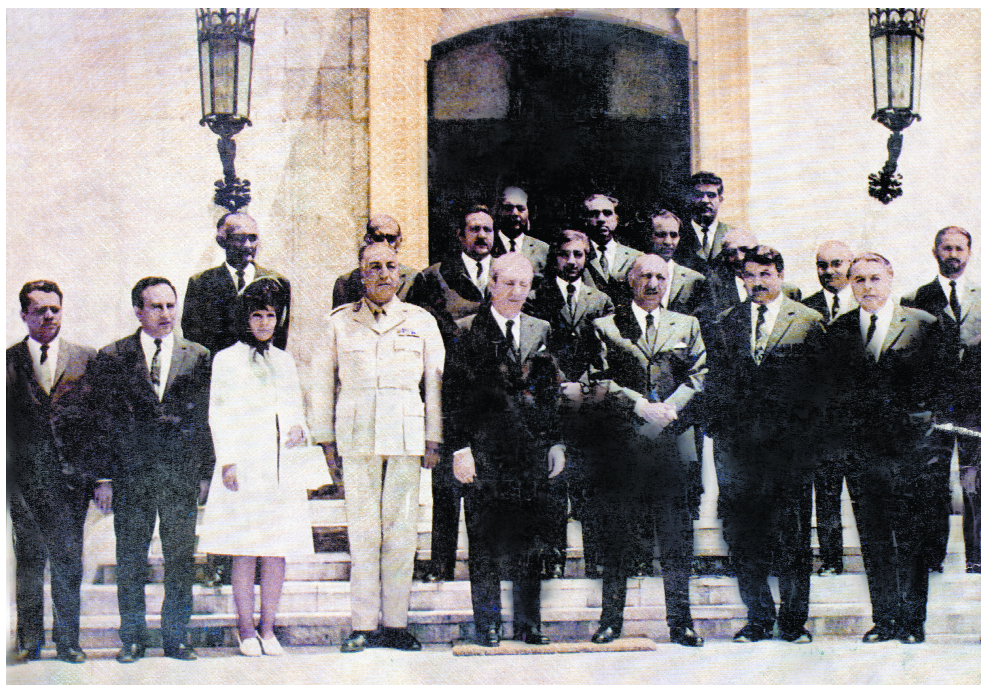
1964 г. Слева направо: М.Ф. Слинкин и Муххамад Сарвар Акбари

Бронзовый котел-чаша во внутреннем дворе
знаменитой гератской соборной мечети Джеме (XV в.)

1966 г. На полевых учениях Центрального корпуса. Король Захир-шах снимает пробу пищи на полевой солдатской кухне. Слева от него: начальник Центрального корпуса подполковник Абдул Вали, сын маршала Шах Вали

Король Захир-шах с членами кабинета д-ра Абдул Захира. Слева направо в первом ряду: четвертый – министр национальной обороны генерал армии Хан Мухаммад, пятый – премьер Абдул Захир, шестой – король Захир-шах